

К Царю Солнцу. Посвящается Саллюстию¹

Речь 4

Согласно определению ритора Менандра, четвертая речь Юлиана — это *φυσικὸς ἕμνος*, т. е. гимн, отображающий природу божества. Юлиан был последователем поздней неоплатонической школы и в основном он воспроизводит положения ее основного представителя сирийца Ямвлиха. Философия, которая с самого начала отличалась религиозностью, теперь стала истолковываться теургистами и фанатичными последователями чужеземных азиатских культов. Это Митра — персидский бог-солнце, которого в значительно большей степени, нежели Аполлона, Юлиан отождествляет со своим «умным богом» — Гелиосом; Аполлон же играет второстепенную роль среди его манифестаций. Культ Митры, который Тертуллиан назвал «сатанинским плагиатом христианства», поскольку некоторые из его ритуалов напоминают таинства христианской церкви, появился у римлян в I в. до н. э. (См.: Плутарх. *Помпей*, 24). Принятый сперва гораздо менее гостеприимно, чем культы Изиды и Сераписа или Великой Матери Пессинунтской, он постепенно возоблада над ними и в конце концов покорил всю Римскую империю, хотя так никогда и не был принят эллинами. Римлянам же он представлял идеалы чистоты, набожности и самообладания, которых им так не доставало в других культах. Поклонники Митры учились бороться с силами зла, подчиняясь суровой нравственной дисциплине, и наградой после смерти для них было уподобление в непорочности богам, которым они поклонялись. Юлиан, подобно императору Коммоду во II в., несомненно, был посвящен в мистерии митраизма, и суровая дисциплина культа была глубоко притягательна для того, кто в силу ранних ассоциаций отдалился от весьма похожего учения христиан.

Юлиан, вслед за Плотинем и Ямвлихом, признавал высшей первопричиной Единое (*ἕν*), или Благо (*τὸ ἀγαθὸν*), предшествующее умопостигаемому миру (*νοητὸς κόσμος*), в котором правят платоновские идеи, называемые теперь умопостигаемыми богами (*νοητοὶ θεοί*). Ямвлих привнес в платоническую систему опосредующий мир умных богов (*νοετοὶ θεοί*). Среди них Гелиос-Митра, их верховный бог и центр, дарующий разумные, породительные и единящие силы, воспринятые им от своего трансцендентного двойника из мира умопостигаемых богов. Третий член триады миров — это чувственно-

¹ Посвящение здесь именно часть названия, а не отдельная надпись. — Прим. пер.

воспринимаемый мир, управляемый Солнцем — видимым двойником Гелиоса. Что отличает триаду Юлиана от других неоплатонических триад — это иерархия трех солнц в трех мирах и, далее, та важность, которую он придает опосредующему миру — местопребыванию Гелиоса-Митры. Он мало внимания уделяет отдаленному умопостигаемому миру и посвящает свое изложение Гелиосу как умному богу и как видимому Солнцу. Гелиос выступает связующим звеном для всех трех членов в триаде миров. Его «срединность» (*μεσότης*) не только локальна: он есть во всех возможных смыслах посредник и объединитель. *Μεσότης* — аристотелевский термин для «середины», но нет доказательств того, что это понятие использовалось в явном значении посредничества до Юлиана. Однако выдержка из Плутарха, очевидно, указывает на то, что «срединность» Солнца восходит к персидской доктрине: «Из всего чувственного первый [Ормазд] более всего подобен свету, а второй [Ахриман] мраку и неведению, середину же между обоими занимает Митра. Поэтому персы называют Митру посредником (*μεσότης*)»² (*Об Исиде и Осирисе*, 46). Нэвилл указал на сходство между Солнцем в роли посредника и христианским Логосом, которое Юлиан мог иметь в виду. В результате система Юлиана выливается фактически в монотеистический культ Гелиоса, и в этом он расходится с Ямвлихом.

Несмотря на серьезное влияние митраизма, Юлиан пытался возродить почитание языческих богов, он уже не мог в IV в. реставрировать античную веру в богов Гомера, но не хотел пренебречь в своем вероучении множеством божеств, чьи храмы и алтари были отстроены заново по его инициативе. Здесь он воспользовался отождествлением греческих, римских и восточных божеств, которые сближались веками. Старые имена, любимые благодаря литературным ассоциациям, могли быть сохранены без ущерба для верховной власти Гелиоса. Юлиан отождествляет Зевса, Гелиоса, Аида, Океана и египетского Сераписа. Однако всемогущий Зевс греческой мифологии есть, в данном случае, лишь породительная сила, действующая совместно с Гелиосом и не имеющая самостоятельного существования. Традиция считала Афину дочерью Зевса, но Юлиан рассматривает ее как проявление промыслительной силы Гелиоса; Дионис есть проводник его прекраснейших мыслей, а Афодита есть начало, из него происходящее. Юлиан ухитряется представить дело так, что все наиболее значимые боги Греции, Египта и Персии выступают как манифестации Гелиоса. Меньшие из богов суть промежуточные демоны, т. е., фактически, силы. Целью Юлиана было обеспечить эллинистический аналог позитивно явленной, подкрепленной Откровением религии христианства. Поэтому он и настаивает на вдохновенности Гомера, Гесиода и Платона; отсюда же берется и его утверждение, что аллегорические истолкования мистерий суть не просто гипотезы, в то время как доктрины астрономов — не более чем доктрины.

² Пер. Н. Тр. — Прим. пер. ухиной. — Ред.

³ Пер. Н. Тр ухиной. — Ред.

⁴ Пер. Н. Тр

Речь посвящена Саллюстию — другу и товарищу Юлиана по оружию; вероятно, это тот самый Саллюстий, который был философ-неоплатоником ямвлиховской школы и написал около 360 г. трактат *О богах и мире*. Кюмон называет этот трактат «официальным катехизисом языческой империи», а Виламовиц считает его позитивным дополнением Юлианова памфлета *Против христиан*. Саллюстию адресована также восьмая речь Юлиана, которая представляет собой слова утешения (*παραινθητικὸς*) по случаю отъезда Саллюстия, когда Констанций отозвал последнего из Галлии в 358 г.

ухиной. — Ред.

⁵ Посвящение здесь именно часть названия, а не отдельная надпись

Буду говорить, полагаю, о самом важном <130b> для всех, «сколько дышат и влачатся по земле»¹, причастны бытию, разумной душе² и уму; не менее, чем для всех остальных, это важно и для меня. Ибо я — спутник³ Царя Солнца. <130c> Я сам по себе⁴ следую Гелиосу, чему имею точнейшие доказательства⁵; во всяком случае, мне позволено сказать, не подвергая себя порицанию, что сызмальства влечение к сиянию этого бога глубоко проникло в меня, и с самых малых лет мой рассудок совершенно изменялся [ἐξίστάμην] благодаря свету, просвещающему эфир, так что я не только желал непрестанно смотреть на Солнце, но и когда я выходил [из дома] ночью и небесный свод был чист и безоблачен, я отбросив всё [земное], <130d> направляя себя к красоте небес, и не обращал внимания ни на то, что кто-нибудь мог сказать мне, ни на то, что мне говорили, ни на то, что сам делал⁶. [Отдаваясь созерцанию неба,] я находил излишним заниматься этими обыденными вещами, быть человеком многодеятельным: когда у меня еще только начинала расти борода, кое-кто предполагал во мне астроманта⁷. <131a> Клянусь богами, никогда книга об этом не

¹ *Илиада*, 17. 447.

² В противоположность неразумной душе (*ἄλογος ψυχή*), наличной в животных и иной, чем в человеке. Платон, Аристотель, Плотин и Порфирий наделяли и растения некоей формой души, однако Ямвлих, Юлиан и Саллюстий не признавали этого.

³ *ὄπαδός* — последователь, слуга. — Прим. пер.

⁴ В смысле: не в силу обстоятельств. — Прим. пер.

⁵ Здесь Юлиан ссылается на свое посвящение в культ Митры.

⁶ В оригинале стоит сослагательное наклонение, которое при передаче его на русском языке сделало бы предложение слишком громоздким. — Прим. пер.

⁷ Эта астромантия — гадание по звездам — вероятно, мало отличалась от того, что мы сейчас называем астрологией. — Прим. пер.

попадала мне в руки, я даже не знал, что есть такая наука. Но зачем я говорю об этом, имея сказать большее? Стоит ли мне рассказывать, как в те дни я думал о богах? Пусть мрак⁸ погрузится в забвение! Пусть сказанное мной засвидетельствует, что небесный свет освещал все вокруг меня, что он пробудил и побудил меня к его созерцанию, и уже тогда я знал, что Луна движется в сторону, противоположную движению Вселенной, хотя еще и не встречал ни одного <131b> из философствующих об этом. Я же завидовал [благому] жребию того, кому бог дал унаследовать тело, сплоченное из семени священника и пророка [ἱερόβ καί προφητικόβ συμπλεγὲν σπέρματος], так что он мог открывать сокровищницу мудрости; я не презирал жребия, которым меня наградила бог [Солнце] — того, что я родился в роду царствующем и повелевавшем Землей в мое время; ибо я был ведóm <131c> этим богом [к царству], если нам и в самом деле следует верить мудрецам, что он — отец всех людей⁹. Ибо истинно сказано, что человек и Солнце вместе порождают человека¹⁰, и что бог засеял эту Землю душами, происшедшими не от него только, но и от других богов¹¹, а потому души образом своих жизней являют то, что они выбрали. Прекраснейше же — унаследовать участь раба бога в третьем колене, от длинной и непрерывной чреды предков; и отнюдь не может быть унижительным знание того, что кто-то по природе стремится быть слугой¹² бога, и что он один из всех, <131d> или вместе с немногими посвящает себя служению этому господу.

⁸ Т. е. время, когда Юлиан был еще христианином.

⁹ Таким образом, не только пророки или императоры, но и все люди состоят в родстве с Гелиосом.

¹⁰ Аристотель. *Физика*, 2. 2, 194b. Ср.: 151d.

¹¹ Платон. *Тимей*, 42d.

¹² Или спутником. — Прим. пер.

Давайте же сколь возможно лучше справим праздник, который царствующий город¹³ украшает ежегодными жертвоприношениями¹⁴. Я хорошо знаю, что тяжело постичь, сколь велико невидимое, умозаклучая только из его явления¹⁵, сказать же об этом, вероятно, невозможно, <132a> даже если говорить о нем хуже, чем оно того достойно. Ибо мне хорошо известно, что никто в мире не может сказать того, что было бы достойным Солнца и не погрешить в мере своих похвал — это было бы наибольшим из того, что человек здесь может достигнуть. Но что до меня, то может быть Гермес — бог красноречия — придет мне на помощь, а с ним и Музы, и Аполлон Мусагет¹⁶ <132b> (ибо речи свойственны и ему), и, возможно, они позволяют мне сказать только то, что любезно богам, то, что должен говорить человек и во что верить относительно их. Как же мне восхвалить его? Разве не ясно, что если я опишу его [Гелиоса-Солнца] сущность, опишу то, откуда она, опишу его силы и энергии — и явные, и неявные, — благодеяния, совершаемые им во всех мирах¹⁷, то такая похвала этому богу не будет лживой? Отсюда и должно начать. <132c>

Этот божественный и всепрекрасный космос от высочайшего свода небес и до последних пределов Земли сохраняется от распада¹⁸ непрерывным провидением Бога; нерожденный, он извечно рожден и

¹³ Рим.

¹⁴ Происходящими в начале января.

¹⁵ Юлиан отличает видимое Солнце от его архетипа, который порожден Благом.

¹⁶ Т. е. водитель Муз. См. также: 144a; 149c.

¹⁷ Имеется в виду умопостигаемый мир (νοητός), познаваемый только чистым умом; умный мир (νοηρός), наделенный рассудком; и третий мир чувственного восприятия (αἰσθητός). Первый из них неоплатоники восприняли от Платона (*Государство*, 508 и сл.); второй был введен Ямвлихом.

¹⁸ συνεχόμενος — букв.: удерживается вместе. — Прим. пер.

будет нерушим все остальное имеющее быть время; он сохраняется ничем иным, как пятым телом¹⁹, суть которого есть солнечный луч; во вторую очередь, он сохраняется умопостигаемым космосом; по преимуществу же [πρεσβύτερος] он сохраняется Царем Вселенной — тем, вокруг кого все. <132d> Следовательно, справедливо называть Его Тем, кто по ту сторону Ума, или Идеей Сущего, при том, что «сущим» называется все умопостигаемое, или Единым, поскольку Единое представляется в каком-то смысле первичнее всего остального, или же — называть Его, как Платон, Благом; так вот, Он — единовидная причина Целого²⁰, производящая всю красоту, совершенство, единство и безыскусную²¹ силу Сущего; благодаря перводействующей сущности, которая есть в Нем, Он произвел среднего среди средних, умных и демиургических причин — Гелиоса <133a> — величайшего из богов произвел [Единый] из Себя во всем подобным Себе. Так думал и демонический Платон, говоря: «Вот и считай, что я утверждаю это и о том, что порождается Благом, — ведь Благо произвело его подобным Самому себе: чем будет Благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно воспринимаемым вещам»²². Его свет так относится к миру чувственному, как истина — к миру умопостигаемому. Весь Гелиос-Солнце, по-

¹⁹ О пятой сущности см.: Псевдо-Аристотель. *О небе*, 1. 3, 270b; Псевдо-Ямвлих. *Теологумены арифметики*, 35. 22. [Обзор большинства античных источников о пятой сущности см. в недавней работе: С. Месяц. *Дискуссии об эфире в Античности // Космос и душа. Учение о Вселенной и человеке в Античности и Средние века*. М., 2005. — Ред.]

²⁰ Здесь и ниже слова «целое» и «сущее» есть названия второй ипостаси. — Прим. пер.

²¹ ἀπλήγανον — неодолимую, удивительную. — Прим. пер.

²² Платон. *Государство*, 508b–c (пер. А. Егунова).

скольку он существует как сын именуемого Первым и Величайшим, Идеей Блага, <133b> поскольку он извечно ипостасно существует окрест пребывающей [μόνον] сущности, постольку воспринял господство среди умных богов и сам раздает умным богам те дары, [первичной] причиной которых для умных богов является Благо. Благо же для умных богов, я полагаю, есть причина красоты, сущности, совершенства, единения [ένώσεως], оно просвещает их благовидной [ἀγαθοειδέει] силой. Таковы же и дарения Гелиоса умным богам, <133c> поскольку он был поставлен Благом начальствовать и царить над ними, несмотря на то, что и они вместе с ним выступили в бытие и разом стали существовать; так произошло, я думаю, для того, чтобы благовидная причина²³ могла вести умных богов к благу для всех них и управляла всеми вещами согласно Уму.

Но этот видимый диск, третий²⁴ [по уровню бог], есть, очевидно, для чувственных вещей причина их спасения²⁵, этот видимый Гелиос-Солнце²⁶ есть причина стольких благ для видимых богов²⁷, сколькими, как мы говорим, наделяет то великое Солнце умных богов. Тот, кто изучает невидимое, опираясь на видимые вещи, имеет и иные доказательства этого²⁸. <133d> Ибо, прежде всего, разве не есть сам свет — некий бестелесный и божественный, сущий в действительности эйдос прозрачности [διαφανοῦς]? Теперь, что касается самой прозрачно-

²³ Т. е. Гелиос-Солнце. — Прим. пер.

²⁴ Юлиан понимает солнце трояким образом: во-первых, оно трансцендентно, и в этом смысле неотличимо от Блага в умопостигаемом мире; во-вторых, это Гелиос-Митра, управляющий умными богами; и, в-третьих, это видимое Солнце.

²⁵ Или сохранения. — Прим. пер.

²⁶ Здесь и далее (133d–134a) Юлиан уклоняется от основной темы и говорит о солнечном свете.

²⁷ Т. е. звезд. — Прим. пер.

²⁸ Ср.: 138b.

сти, того, что́ она есть: она есть, так сказать, соподлежащее стихий, некий особый эйдос, имеющий отношение к ним, эйдос не телесный и не составленный, который нельзя считать качеством телесного²⁹. Следовательно, ты не скажешь, что теплота есть отличительная особенность <134a> прозрачности, или, напротив, холод, а также ни твердость, ни мягкость, ни другое что-либо, связанное с осязанием, обонянием или вкусом³⁰; очевидно, эта природа подчиняется только зрению, поскольку оно приходит к действительности благодаря свету. Свет есть эйдос этой природы³¹, которая есть что-то наподобие материи, подлежащей и сопротязанной телам. Эйдос света бестелесен, возвышен, и словно бы расцветает лучами Солнца. Учение финикийцев — мужей, в вещах божественных мудрых и знающих, — говорит, что лучи света, распространившиеся повсюду, суть незапятнанная <134b> [претерпеванием] действие чистого Ума. Наше учение не противоречит этому, если только кто-нибудь не станет полагать, что его источник есть тело, но предположит его источником незапятнанную [материей] энергию Ума³², изливающую свет в свою сферу [εἰς τὴν οἰκείαν] и достигающую центра всего Неба³³, откуда она просвещает всё и наполняет силами круги небес и все вещи — божественным и немерцающим [ἀχράντω] светом. Произведенное [ἔργα] Солнцем оупществилось в богах, чего мы слегка касались не-

²⁹ См.: Аристотель. *О душе*, 419a, где Аристотель говорит, что свет есть осуществление, или положительное определение, прозрачной среды. Юлиан пересказывает весь фрагмент.

³⁰ См.: Аристотель. *О душе*, 418a.

³¹ Т. е. прозрачности. — Прим. пер.

³² Об отождествлении Ума (νοῦς) с Солнцем см.: Макробий. *Сатурналии*, 1. 19. 9: «Sol mundi mens est» — «Солнце есть мировой Ум»; Ямвлих. *Протретик*, 21. 115; Аммиан Мацелин, 21. 1. 11.

³³ Т. е. Вселенной. — Прим. пер.

много раньше³⁴ и о чем еще кратко скажем. <134c> Все, в первую очередь, что мы видим посредством зрения, есть только имя, лишённое деятельности, если мы не добавим к нему водительство и помощь света. И что, вообще говоря, могло бы быть видимо, если бы не было приведено в соприкосновение со светом, чтобы получить благодаря этому эйдос, так же как материя получает форму под рукой мастера? Само по себе золото не есть ни статуя, ни какой-либо образ; оно таково не прежде, чем мастер придаст ему соответствующую форму. Также и все, что по своей природе видимо, если не будет полагаться <134d> вместе со светом, всецело будет лишено видимости. Соответственно, благодаря даянию зрения тем, кто видит, и видимости предметам зрения, единой энергией полагается совершенство двух природ: видящего и видимого³⁵, так что и в эйдосах, и в сущности выражаются ее совершенства.

Однако сказанное, похоже, чересчур тонко; что же до того [бога], за кем все мы — невежи и частные лица, философы и ораторы — следуем, то что́ за силой обладает этот бог в космосе, когда он заходит и восходит? Он творит ночь и день и, очевидно, перемещается, управляет и меняет Вселенную. <135a> Какой бы иной звезде могла принадлежать эта сила? Как же, исходя из этого [видимого движения], можно не верить в то, что и вещи более божественные — невидимые и божественные роды умных сверхкосмических богов — наполняются благовидной силой, исходящей от Солнца, которому даже хор звезд уступает [место водителя хора] и кому следуют все порожденные вещи, направляемые его провидением? Планеты <135b> ведут вокруг него хоровод³⁶, держась определенной дистанции, словно

³⁴ 133b.

³⁵ Аллюзия на платоновское *Государство*, 507–508.

³⁶ Ср.: 146с.

вокруг своего царя. Они кругообращаются с величайшим гармоническим совершенством, делая определенные остановки [στηρίγμοίς], они движутся вперед и назад по своим орбитам³⁷ — те, что достигли знания в изучении [небесных] сфер, называют их видимыми движениями; и то, что свет Луны растёт и убывает в зависимости от того, насколько она близка к Солнцу, — это, по-моему, ясно для всех. Тогда разве не естественно предположить, что превосходящая³⁸ упорядоченность тел умных богов <135c> аналогична этому [явленному в чувственном небе] порядку?

Возьмем, отвлекшись от всех [иных энергий], усовершенствующую деятельность [τὸ τελεσιουργόν] Гелиоса-Солнца, исходя из того, что он делает явными видимые вещи во Вселенной и благодаря свету совершенствует их; далее — его демиургическую и породительную силу, исходя из произведенных им во Вселенной изменений; рассмотрим тот факт, что его сила связывает все вещи в единое целое, умозаключая к этому из направленности его движений к единому и согласованности их с тождественным; далее, его среднее [положение в божественной иерархии] мы можем постигнуть из своей срединности, а то, что он поставлен царем умным богам — из его центрального положения относительно планет. <135d> Теперь, если мы увидим, что эти или подобные им силы принадлежат не только Гелиосу, но и кому-либо из видимых богов, то да не будем мы приписывать Гелиосу [сущностного] превосходства над другими богами. Но если он не имеет ничего общего с этими иными богами, исключая свое благодетельное [ἀγαθοεργίας], которым он наделяет всех,

³⁷ Имеются в виду феномены, которые можно наблюдать в небе: неподвижное положение, а также прямое и обратное движение планет.

³⁸ πρῶτον, старейшая. — Прим. пер.

то засвидетельствуем мы вместе с кипрскими иереями, что один алтарь Гелиоса и Зевса, но еще прежде этих богов призовем в свидетели Аполлона, совосседающего с нашим богом. Ибо этот бог³⁹ сказал⁴⁰:

Един Зевс, Един Аид, Един Гелиос суть Серапис!⁴¹ <136a>

Предположим тогда, что между умными богами — Гелиосом и Зевсом — есть общее, или, лучше сказать, что едина их верховная власть. Следовательно, отнюдь не несправедливо называл Платон Аида мудрым богом⁴². И мы называем того же бога Сераписом, именуя его невидимым [ἀδῆ] и умным, о котором говорится⁴³, что к нему восходят души тех, кто жил наилучшим и справедливейшим образом. <136b> Не думай о нем как о том, перед кем мифы учат трепетать; нет, это кроткий и милостивый бог, поскольку он совершенно освобождает души от рождения. Те души, которые таким образом освобождены, уже не пригвождаются к иным телам, не бывают смиряемы и наказываемы ими, но он ведет и возносит их ввысь, в умопостигаемый космос. А то, что это учение не всецело новое, но что Гомер, Гесиод — наиболее славные из поэтов — придерживались его прежде нас, и что это было либо их собственным взглядом, либо они были вдохновлены бо-

³⁹ Т. е. Аполлон. — Прим. пер.

⁴⁰ Этот загадочный стих приводится как орфический у Макробия (см.: *Сатурналии*, 1. 18. 18); но Юлиан, вне сомнений следуя Ямвлиху, заменяет Диониса Сераписом в конце стиха. Культ Сераписа в греко-римском мире начался с Птолемея Сотера, который заложил в Александрии храм в честь этого бога. Серапис отождествлялся с Озирисом, египетским двойником Диониса.

⁴¹ Общий смысл фразы: три бога — одно божество, классическая солнечная Троица. — Прим. пер.

⁴² См.: Платон. *Федон*, 80d; в диалоге *Кратил* Платон обсуждает, хотя и не всерьез, этимологию слова «Аид».

⁴³ См.: Платон. *Кратил*, 403e–404a.

жественным неистовством к видению истины, это очевидно из следующего. <136с> Гесиод в своей генеалогии говорил⁴⁴, что Гелиос есть сын Гипериона и Теи, сообщая тем самым, что он [Гелиос] есть истинный потомок Того, Кто сверх всех вещей. Ибо кем бы еще Гиперион⁴⁵ мог быть? И разве «Тея» говорится не о божественнейшем всего сущего? Но да будет позволено нам не принять [буквально] их связи и брака, ибо это странная и недостоверная забава поэтической Музы. <136d> Будем полагать, что отец и родитель [Гелиоса] есть Наивысочайший и Наибожественнейший, да и разве может быть иным Тот, Кто по ту сторону всех вещей, Тот, вокруг Которого все вещи, Тот, для Которого все они существуют? И Гомер называл его [Гелиоса] Гиперионом по отцу [ἄλλο τὸν πατρός]⁴⁶, показав его свободу и превосходство над любой необходимостью. Ибо Зевс, как говорит Гомер, поскольку он господин всего, повелевает иными [богами]. И когда, как повествует миф, Гелиос говорит, что по причине кощунства друзей Одиссея⁴⁷ он оставит Олимп⁴⁸, <137а> то Зевс ему отвечает:

[Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
С самой землею и с самым морем ее повлеку я⁴⁹

— он не угрожает ему ни оковами, ни насилием, но говорит, что възыщет с виновных и желает, чтобы Гелиос продолжал сиять среди богов. Разве этими выражениями он не провозглашает, что — как самосущий [ἀυτεξουσίῳ] — Гелиос также обладает силой усовершенствовать? Ибо зачем бы он нужен был богам,

⁴⁴ См.: Гесиод. *Теогония*, 371; Пиндар. *Истмийские оды*, 4. 1.

⁴⁵ Имя Гиперион означает буквально «идущий наверху». — Прим. ред.

⁴⁶ См.: *Илиада*, 8. 480; *Одиссея*, 1.8.

⁴⁷ Они уничтожили быков Гелиоса; см.: *Одиссея*, 12. 352 и сл.

⁴⁸ *Там же*, 12. 383 и сл.

⁴⁹ См.: *Илиада*, 8. 24; Зевс произносит эту угрозу к богам, дабы они не смели помогать ни троянцам, ни грекам.

если бы, оставаясь невидимым, не освещал своим светом их сущности и бытия, <137b> он — наполняющий их благами, о чем уже было сказано? Ибо когда Гомер говорит, что

Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера,
Противу воли его, в Океан низойти повелела⁵⁰ —

то он полагает, что из-за тяжелого тумана прежде надлежащего времени настала ночь. И этот туман, похоже, есть сама богиня; а в другом месте Гомер говорит:

Гера глубокий мрак распростерла⁵¹. <137с>

Оставим, однако, поэтов. Наряду с тем божественным, что их вдохновляло, [их творения] содержат также много и человеческого. Давайте лучше скажем, чему, вероятно, сам этот бог научил нас как о себе, так и о других богах.

Место Земли обладает становящимся бытием. Кто же дарует ей вечность? Разве это не тот⁵², кто удерживает все вещи вместе определенными мерами? Быть же природе тел беспредельной невозможно, <137d> поскольку она и не нерожденна, и не самоипостасна. Вообще, если из какой-либо сущности было что-то рождено, и рождено непосредственно, притом, что ничто не разрешилось назад в нее [ἀνελεύερο δὲ εἰς αὐτήν], то рождающая сущность должна умалиться. Соответственно, когда этот бог [Солнце] восходит в должную [ὀρθοῖ] меру, эта природа⁵³ пробуждается, когда же удаляется от нее — умалывает ее и уничтожает; лучше сказать, он сам вечно животворит ее, давая ей движение и наводняя жизнью. А его удаление и обращение к иному есть причина гибели <138а> смертных вещей. Исходя-

⁵⁰ См.: *Там же*, 18. 239–240.

⁵¹ *Там же*, 21. 6.

⁵² Здесь и далее (137d–142b) Юлиан описывает сущность, или сущностную природу, [οὐσία] Гелиоса.

⁵³ Имеется в виду, конечно, Земля. — Прим. пер.

щее от него даяние благ вечно и равномерно распределяется по Земле. Ибо сегодня одна приемлет их страна, завтра другая, поскольку невозможно ни прекратиться становлению, ни бог не может благотворить иногда больше, иногда меньше, чем отведено [συνήθους] этому претерпевающему миру. Ибо в богах тождественны как сущности, так и энергии, и прежде других у Царя Всего — Солнца; Он также производит простейшие движения всех тех [небесных тел]⁵⁴, которые движутся в сторону, противоположную движению Вселенной <138b> — это-то славный Аристотель и делает знаком его превосходства [над другими богами]. Но и силы других умных богов нескрыто и несмутно [ἀμύδραϊ] нисходят в этот космос. Что это значит? Разве мы не отстраняем [ἀποκλείομεν] других [богов от господства], наделяя Гелиоса водительством [ἡγεμονίαν]? Гораздо правильнее, думаю, иметь из видимого истинную веру о невидимом. Ибо поскольку он <138c> является тем, кто усовершенствует [φαίναται τέλειούρων] и согласует [συναρμόζων] с собой и Вселенной те силы, которые придаются Земле другими богами ради всевозможных [земных] вещей, то таким же образом мы должны полагать и в среде невидимых богов их связь друг с другом: Гелиос связан с другими богами как их водитель, они же — как находящиеся в симфоническом согласии с ним. Поскольку мы говорили, что этот бог восседает в середине средоточия [μέσον ἐν μέσοις] умных богов, то, возможно, сам Царь Солнце подаст нам слово о том, что́ есть предполагаемая о нем срединность.

Теперь, срединность⁵⁵ мы определяем <138d> не как то, что созерцаемо равноудаленным от двух

⁵⁴ Т. е. Солнца, Луны и планет; орбиты планет сложны, благодаря их прямому и обратному движениям.

⁵⁵ Юлиан определяет, каким именно образом Гелиос обладает срединностью (μεσότης); он есть посредник и связующее

противоположных, крайних терминов (например, среди цветов — бежевый или серый, или прохладный — в случае холодного и горячего), но как то, что единит и связует отдельно стоящие вещи [τα διεστῶτα]; скажем, то, что Эмпедокл⁵⁶ называл Гармонией, из которой он всецело изгонял Вражду. Что же Гелиос связывает и для чего является серединой? Я утверждаю, что он есть середина между видимыми богами, расположенными по периферии космической сферы, и нематериальными, умопостигаемыми богами, расположенными вокруг Блага, <139a> ибо умопостигаемая и божественная сущность умножается без претерпеваний⁵⁷ и без прибавлений. Ибо эта умная и всецело прекрасная сущность Царя Солнца есть середина не в смысле смешения крайних терминов, нет, она совершенна и неслиянна с целым богов — видимых и невидимых, чувственно воспринимаемых и умопостигаемых, а как следует полагать срединность, уже было сказано. Если же я все-таки должен описывать эти вещи по отдельности, чтобы мы могли уразуметь, какова сущность этой срединности согласно эйдосу, в соотнесенности с первичным и последующим, то изложить это <139b> очень нелегко, и тем не менее попытаемся сказать то, что здесь может быть сказано.

Умопостигаемый мир един во всех отношениях, он предшествует любому веку [ἀεὶ], крепко связывает все вещи в единое. Что же, разве весь этот [чувственный] космос не есть единое и целостное живое существо, благодаря всецелой наполненности душой и умом, разве он не есть «совершенный из частей совершенных»⁵⁸? Тогда его единовидная сре-

звено, как бы на полпути между двумя мирами, и центр умных богов.

⁵⁶ См.: Эмпедокл. *Фр.* 17. 19; 18; 122. 2 (Diels).

⁵⁷ Т. е. не умаляясь, не истекая. — Прим. пер.

⁵⁸ См.: Платон. *Тимей*, 33а.

дина вдвойне совершенна, ибо сохраняет в единстве все то, что в умопостигаемом, а также единит все вещи в мире чувственном в одну тождественную и совершенную природу; <139с> средина между ними⁵⁹ есть единовидное совершенство Царя Солнца, утвержденного между умными богами. Он, однако, позднее [умопостигаемого], он — некая связь в умопостигаемом космосе богов, упорядочивающая все вещи в едином. И опять, разве не видима в небесах кругообращающаяся сущность пятого тела, связывающая и стягивающая⁶⁰ вместе все части [небесной сферы], сохраняя вместе вещи, по своей природе легко рассеивающиеся и разбегающиеся друг от друга? Значит, есть две эти сущности, две причины связи: одна — в умопостигаемом, другая — явлена в чувственном, <139d> и Царь Солнце соединяет их в тождество, подражая той основополагающей⁶¹ силе, что есть в умных [богах], ибо видит, что произошел из нее и пришел в бытие первее тех позднейших, что явлены в [чувственном] космосе. Тогда, разве не должен быть и самоипостасным первично существующий в умопостигаемом космосе, а в конце концов появившийся и среди существ, <140а> явленных в небе? Разве не срединна самоипостасная сущность Царя Солнца? Разве от этой перводействующей [πρωτοϋρῶδ] сущности не исходят лучи, просвещающие все вещи, нисходящие в этот видимый космос? И опять, с иной точки зрения, един Демиург [космического] целого, но много демиургических

⁵⁹ Т. е. чувственным и умопостигаемым. — Прим. пер.

⁶⁰ В *Тимее*, 58 круговращение Вселенной «все сжимает и не позволяет ни одной части пространства остаться пустой»; у Эмпедокла это титан Эфир (т. е. пятое тело), который «скрепляет земной шар» (*Фр.* 38, Diels)

⁶¹ οὐνεκτικῆν — в том числе и причина, содержащая в себе свои следствия. — Прим. пер.

богов⁶², кругообращающихся в небесах. Следовательно, серединою их следует полагать демиургическую деятельность Солнца. Порождающее изобильно <140b> и переливается через край в умопостигаемом, да и наш космос также им полон. Очевидно, что порождающее [τὸ γόνιμον] Царя Солнца есть средина между тем и другим⁶³, и сами чувственные феномены свидетельствуют о том же. Ведь одни эйдосы он усовершил, другие — произвел, иные — украсил, иные — пробудил, так что нет ни одной вещи, которая вне демиургической силы, исходящей от Гелиоса, могла бы появиться на свет или прийти к рождению. И еще об этом же: <140с> если мы помыслим незапятнанную и чистую нематериальную сущность умопостигаемых богов, к которой ничего не присоединилось извне и которая не содержит ничего чуждого, но полна собственной незапятнанной чистотой, а также чистоту и несмешанность природы незапятнанного демонического тела, чьи стихии всецело несмешаны, которая в космосе окружает кругообращающиеся тела⁶⁴, то мы, опять же, увидим блеск и чистоту сущности Царя Солнца <140d> средним между этими двумя, то есть средним между нематериальной чистотой, которая в умопостигаемых богах, и той совершенной чистотой, незапятнанностью и свободой от рождения и смерти, которая существует в чувственно воспри-

⁶² Платон в *Тимее*, 41а различает богов, «чьё движение совершается на наших глазах» от тех, «что являются нам, лишь когда сами того пожелают». Юлиан снова возвращается к описанию триады; каждый из трех его миров имеет самоипостасное бытие, свою собственную демиургию (δημιουργία), свою жизнепородительную силу (γόνιμον τῆς ζῶης); в любом случае, средним членом оказывается Гелиос как связующее звено, вмещающее в себе мыслящих, или умных богов (νοερός).

⁶³ Т. е. порождающим в мире умопостигаемом и порождающим в мире чувственном. — Прим. пер.

⁶⁴ Подразумеваются видимые небесные тела.

нимаемом мире. Наилучшим доказательством этого служит то, что даже приходящий свыше, от Солнца на Землю, свет не смешан с чем-либо иным и не приемлет никакой грязи или скверны, но пребывает всецело и во всем чистым, незапятнанным и бесстрастным.

Следует, однако, перейти к рассмотрению эйдосов нематериальных и умопостигаемых, а также и тех чувственных эйдосов, которые существуют вместе с материей или подлежащим. <141a> Здесь, опять же, умное обнаруживается как среднее между теми эйдосами, которые окружают великое Солнце, благодаря которому осуществляется помощь эйдосам, находящимся близ материи, — ибо материальные эйдосы не могут ни быть, ни сохраняться, не получив от него помощи, содействующей их сущности. Ибо разве Солнце не есть причина разделения эйдосов или соединения материи, разве не оно только позволяет нам видеть себя глазами, а не лишь мыслить? Ведь распространение его лучей по всему космосу и единящая деятельность его света являют его Демиургом, <141b> разделяющим сотворенное.

И еще: то, что многие блага существуют и явлены нам близ сущности этого бога, показывает, что он есть среднее между умопостигаемыми и внутрикосмическими богами⁶⁵. Теперь перейдем к рассмотрению последней его видимой области. Итак, во-первых, в последнем космосе Гелиос наделяет идеями и ипостасями солнечных ангелов, действуя согласно парадигме⁶⁶. Затем — произведение чувственного мира, наиболее достойная <141c> часть ко-

⁶⁵ Т. е. небесными телами.

⁶⁶ Эти ангелы, подобно образу, сочетают в себе идею и ее гипостазирование; см. ниже, а также: Юлиан. *К сенату и народу афинскому*, 275b. Юлиан нигде не дает определения ангелов, однако Порфирий (Августин. *О Граде Божиим*, 10. 9) отличал их от демонов и считал местом их обитания эфир.

торого содержит причину неба и звезд, в то время как низшая часть управляет становящимся и извечно содержит в себе возникшую его причину. Описать все то, что относится к сущности этого бога, даже если он сам позволит постигнуть это, невозможно, да и охватить всё это умом, по-моему, сверх наших сил.

Но так как мы уже рассказали о многом, то я должен наложить печать на свои уста, перейдя в последующем к рассмотрению иных, ничуть не меньше требующих рассмотрения предметов. <141d> Что, тогда, есть эта печать и что есть постижение сущности этого бога, обнимающее в главных чертах все [к ней относящееся], может быть, он сам нам подскажет, ибо мы желаем описать вкратце и причину, от которой он происходит, и кто сам он есть, и те [блага], которыми он наполняет видимый мир. Тогда должно сказать, что Царь Солнце един и происходит из единого бога, умопостигаемого космоса, который и сам един; что он есть средоточие умных богов, и что расположен в их середине в силу своей срединности, <142a> единомыслия, дружбы [φίλην] и сведения воедино стоящих порознь; что он приводит в единство первое и последнее, обладая в себе средоточием совершенства, единения, жизнерождения и единовидностью сущности; и то, что он в чувственном космосе предшествует всем другим благам не только потому, что своими лучами он освещает их, украшает и сообщает свое сияние, но также и потому, что и сущность солнечных ангелов делает ипостасно существующей наряду с собой; ибо он содержит в себе нерожденную причину вещей возникших, <142b> и кроме того, ту, что до нее —

непреходящую и пребывающую причину жизни вечных тел⁶⁷.

Что же до того, что следует сказать о сущности этого бога, то несмотря на то, что большая часть осталась нетронутой, сказанного отнюдь немало. Однако множественность его сил и красота его энергий столь велики, что выходят за пределы видимого вокруг его сущности: ибо естественно для вещей божественных, когда они продвигаются в видимое, быть умноженными в силу преизобилия в них жизни и жизнеродной силы. (Я рассматриваю то, чем собираюсь заняться.) Теперь я должен обнажить, <142с> чтобы прыгнуть в это бездонное море, хотя для меня было бы лучше перевести дыхание после прежней речи. И все равно, я должен дерзнуть, черпая мужество в Боге, должен постараться достичь этого.

Итак, следует предположить то, о чем мы уже говорили, а именно, что сущность [Солнца] равно относится и ко всем его силам[В1]⁶⁸, ибо дело не обстоит так, что сущность этого бога — одно, сила — другое, а энергия — о, Зевс! — еще нечто третье помимо них. <142d> Ибо все, чего бы он ни пожелал, он есть, способен и совершает; ибо не желает того, что не есть, не бессилен сделать то, что желает, и не желает того, чего не может[В2]. В случае людей дело обстоит, конечно, иным образом. Ибо, будучи смешаны воедино, два [начала] борются в человеке: божественная природа души и тело — темное и мрачное. Естественны между ними борьба и раздор. Потому и Аристотель говорил⁶⁹, что удовольствия и скорби <143а> не согласны в нас друг с

⁶⁷ Т. е. небесных тел; см.: Юлиан. *Фрагмент письма жрецу*, 295а.

⁶⁸ Здесь и далее (142d-152a) дано описание сил и энергий Гелиоса.

⁶⁹ *Никомахова этика*, 7. 14, 1154б.

другом; ибо, говорил он, то, что сладко одному в нашей природе, болезненно для другого — противоположного. У богов же нет ничего подобного, ибо их сущность блага постоянно, а не время от времени. Тогда, в первую очередь, все то, что мы сказали, когда стремились выразить сущность Солнца, следовало говорить и о его силах и энергиях. <143b> Однако, поскольку в таких случаях речь обратима, то всё рассмотренное далее, все то, что касается его сил и энергий, должно полагать приложимым не к деяниям только, но также и к его сущности. Ибо поистине, есть боги, родственные Гелиосу, боги той же, что и он, природы, которые довершают чистоту сущности этого бога, и хотя они множественны в этом космосе, они единовидны в нем. Теперь, дадим в первую очередь слово тем, кто смотрит в небо не так, как лошади, быки и другие бессловесные и лишённые знания живые существа⁷⁰, но кто из этого выводит заключения о мире невидимом. Однако раньше, если тебе это мило, посмотри на его [Гелиоса-Солнца] сверхкосмические силы <143с> и энергии, и не с точки зрения бесчисленного их множества, но — на немногих из них.

Во-первых, его силы есть то, благодаря чему целая умная сущность явлена как целая, ибо он сводит в единое и тождественное крайние члены⁷¹. Ибо и в чувственном мире мы ясно познаем воздух и воду как то среднее, что расположено между огнем и зем-

⁷⁰ См. ниже, 148с, а также *Тимей*, 47а и *Государство*, 529b, где Платон различает астрономию от простого рассматривания звезд.

⁷¹ Т. е. сущность и явление, и тем самым полагает Гелиоса всецело в действительности, ибо энергия, вообще говоря, есть действие, в котором явление и сущность тождественны; соответственно, когда такое действие берется как пребывающее, мы имеем действительность, или бытие в действительности. — Прим. пер.

лей⁷², как связь, объединяющую крайние термины; и разве будет неразумным предположить, что как в случае той причины, которая отделена от стихий и первее их — она ведь есть начало становления, а не само становление, — также отделены от [тамошних] тел две крайние причины в том [горнем мире], и что они сводимы благодаря Царю Солнцу и единятся окрест него. И демиургическая сила Зевса согласована с ним, благодаря чему на Кипре, о чем я говорил ранее, у них общее святилище. И Аполлон, <144a> как мы говорили, подтверждает эти наши слова, а ему, разумеется, пристало и знать лучше, чем нам, все относящееся к своей природе. Ибо он пребывает вместе с Гелиосом, общается с ним благодаря простоте мышления, неколебимости сущности и постоянству энергий.

Но Аполлон никоим образом не является также отделенным от делящей демиургии Диониса⁷³, источник которой — Гелиос. Дионис всегда подчиняет свою демиургическую деятельность Гелиосу, откуда и явствует, что он — соправитель Гелиоса⁷⁴, Аполлон же <144b> истолковывает нам прекраснейшие мысли этого бога. Поскольку же Гелиос охватывает в себе все начала прекраснейшего умного смешения [συγκρίσεως], он есть сам Аполлон Мусагет. А поскольку он наполняет целое нашей жизни благим порядком, он рождает в чувственном космосе Аск-

⁷² См.: Платон. *Тимей*, 32b. Платон говорит, что для того, чтобы сделать тело Вселенной трехмерным, Демиург «поместил между огнем и землей воду и воздух».

⁷³ Прокл в своем *Комментарии на Тимей*, 203e говорит, что поскольку Дионис был растерзан титанами, его назначение — разлагать целое на части и разделять эйдосы.

⁷⁴ Юлиан называет Диониса сыном Гелиоса (см. ниже, 152d) и сыном Зевса (см.: *К Матери Богов*, 179b).

леия⁷⁵, хотя прежде этого космоса он имел его при себе.

Если же кто-нибудь увидит и другие многие силы, что вокруг этого бога, то никто все равно не сможет исследовать их все. Достаточно рассмотреть следующее: [во-первых,] то, что отделимо и существует прежде тел, так сказать, в сфере причин, отделенных от видимой демиургии и существовавших прежде нее — это есть в равной мере владение Гелиоса и Зевса; <144c> [во-вторых,] то, что единством и простотой мышления, а равно и вечностью, и неизменно тождественным бытием он [Гелиос-Солнце] обладает вместе с Аполлоном; [в-третьих,] то, что делящей частью своей демиургии он обладает вместе с Дионисом, управляющим разделенной сущностью; [в-четвертых,] то, что в прекраснейшей симметрии и смешении умного [начало которого суть в Гелиосе] мы видели силу Мусагета; наконец, мы мыслили, что вместе с Асклепием Гелиос наполняет благим порядком целое жизни.

Это что касается преждекосмических его сил; <144d > с ними согласованы и те его дела, что направлены на весь явленный космос, благодаря которым он наполняет этот космос благом. Поскольку он родной сын Блага, от Него принял совершенство благой доли, то он сам раздает [благо] умным богам, даруя всякому благоделание и совершенство сущности. Это первое. Второе дело этого бога состоит в совершеннейшем распределении умопостигаемой красоты среди умных и бестелесных эйдосов. <145a> Ибо когда видимая в природе порождающая сущность⁷⁶ стремится родить в красоте⁷⁷ и рождает дитя, она с необходимостью ведома тем, что [пре-

⁷⁵ См. ниже, 153b, где Асклепий называется спасителем мирового целого; см. также: Юлиан. *Против христиан*, 200a.

⁷⁶ Т. е. Солнце.

⁷⁷ См.: Платон. *Пир*, 206b: τόκος ἐν καλῷ.

бывает] в умопостигаемой красоте, сущим вечно и творящим всегда, а не время от времени, не тем, что сегодня рождает, а завтра — нет. Ибо все, что здесь красиво лишь иногда, в умопостигаемом вечно прекрасно. Значит, должно утверждать, что нерожденное дитя <145b> в красоте умной и вечной руководит порождающей причиной в мире явленном; отпрыск⁷⁸ этого бога⁷⁹ становится ипостасно существующим и остается близ своего родителя, благодаря чему и наделяется совершенным умом. Ибо так же, как посредством света он [Гелиос-Солнце] дает видеть нашим глазам, так и в сфере умопостигаемых богов, посредством своей умной парадигмы, чье блистанье ярче лучей в эфире, он даровал, как я думаю, всем умным богам мышление и познаваемость. Помимо этих, и другие еще удивительные энергии <145c> принадлежат Царю Всего — Солнцу: те, благодаря которым он дарует лучшую участь лучшим родам — ангелам⁸⁰, демонам⁸¹, героям, и тем частным [μερίσταις] душам⁸², которые пребывают в логосе парадигм или идей и никогда не придают себя телам. Я описал преждекосмическую сущность нашего бога, его силы и энергии, гимнословя Гелиоса — Царя Всего, стараясь восхвалить его, насколько это было в моих силах. <145d> Но поскольку глаза, как говорится, заслуживают большего доверия, чем

⁷⁸ Т. е. умный Гелиос.

⁷⁹ Т. е. умопостигаемого Гелиоса.

⁸⁰ Ср.: 141b; Юлиан. *К сенату и народу афинскому*, 275b.

⁸¹ Платон (*Законы*, 713d) определяет демонов как род, что выше людей, но ниже богов: «Кронос поставил тогда царями и правителями наших государств не людей, но демонов — существ более божественной и лучшей природы» (пер. А. Егунова). Юлиан в *Письме к Фемистию*, 258b повторяет платоновское определение; см. также: Плотин. *Эннеады*, 3. 5. 6; Ямвлих. *О египетских мистериях*, 1. 20. 61.

⁸² Используя этот термин, почерпнутый у неоплатоников и Ямвлиха, Юлиан подразумевает наличие неделимой Мировой Души; см.: Плотин. *Эннеады*, 4. 8. 8.

слух — хотя они, конечно, куда бессильнее и сомнительнее мышления, то мне следует сказать и о видимой демиургии этого бога, однако сначала нужно испросить у него надлежащей меры для своей речи.

Извечно возник видимый космос окрест Гелиоса, и пребывает извечно охватывающий космос свет; дело не обстоит так, что он то есть, то нет, и не так, что он в разное время светит по-разному, но он светит всегда одним и тем же способом. И если кто-нибудь пожелает понять эту вечную природу как временную, то легче всего это сделать, представив, сколь многих благ, излитых на мир в течение вечности, является причиной Царь Всего — Гелиос-Солнце, <146a> сияющий непрерывно. Я знаю, что и великий Платон⁸³, и муж, что был позднее по времени, но который был ничуть не ниже его (говорю о халкидском Ямвлихе⁸⁴, который благодаря своим сочинениям посвятил нас в мистерии не иной только, но и этой философии⁸⁵); итак, я знаю, что они [Платон и Ямвлих] гипотетически высказывали учение о порожденности мира и предполагали, так сказать, сотворение мира во времени <146b> для того, чтобы могло быть осознано величие предпринятого им [Солнцем] дела. Ничто не угрожает мне, [если и я воспользуюсь этой гипотезой,] помимо того, что сам я не обладаю их силами; да, слава Ямвлиха позволяет мне без всякого риска предположить, хотя бы чисто гипотетически, временной предел космотворения. Но нет, все равно лучше сказать,

⁸³ См.: *Тимей*, 37d: «Устроив небо, он [Демиург] вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем» (пер. С. Аверинцева).

⁸⁴ Ниже (150d, 157c) Юлиан отдает дань уважения Ямвлиху, излагая подробнее, что именно он почерпнул у своего учителя.

⁸⁵ Т. е. в учения о Солнце. — Прим. пер.

что бог выступает вперед из вечной причины, или, еще лучше, что он произвел все вещи от вечности, из невидимого произвел божественной волей <146с> видимое; с неизреченной быстротой и благодаря непревосходимой мощи стали все вещи разом в настоящем времени. Тогда ему [Гелиосу-Солнцу] выпал, как наиболее ему свойственный, трон посреди небес, чтобы были повсюду поровну распределены блага, исходящие от него к тем богам, которые произошли благодаря ему и вместе с ним, чтобы он мог управлять семью⁸⁶ и восемью⁸⁷ небесными круговращениями и девятым творением, я думаю, то же: имею в виду наш мир, который всегда обращается в непрерывном круге рождений и смерти. Ибо очевидно, что планеты водят вокруг него хоровод, сохраняя меру <146d> своих движений и согласие с этим богом; и что целое небо также слаживает себя с ним во всех своих частях и наполнено богами, исходящими от Солнца. Ибо этот бог есть господин пяти небесных сфер, и когда он проходит три, он порождает в них трех Харит⁸⁸. Пройденные [сферы] суть весы⁸⁹ великой Ананке⁹⁰. <147а> То, что я говорю, возможно, покажется непонятным для эллинов, но как будто должно говорить только привычное им и известное! Впрочем, можно предположить, что это предание не вполне для них чу-

⁸⁶ Семь планет: Кронос (Сатурн), Зевс (Юпитер), Арес (Марс), Гелиос (Солнце), Афродита (Венера), Гермес (Меркурий), Селена (Луна). Хотя Гелиос предводительствует ими, но с ними же и сочисляется.

⁸⁷ Имеются в виду неподвижные звезды; см.: Псевдо-Ямвлих. *Тологумены арифметики*, 56. 4: «Восемь сфер, что облачают покоем всё».

⁸⁸ Хариты часто ассоциируются с весной; Юлиан, по видимому, пытается описать годовой круг Солнца.

⁸⁹ Может быть, коромысло весов: *πλάστιγγες*. — Прим. пер.

⁹⁰ Т. е. Необходимости. Ананка играла важную роль в культуре Митры и иногда отождествлялась с созвездием Девы, держащей весы Справедливости.

жеродное. Ибо что тогда для вас суть мудрейшие Диоскуры⁹¹, которые без споров принимаются многими? Разве вы не называете их «поденными», поскольку они не могут быть видимы оба в один и тот же день? Очевидно, дело обстоит так, чтобы вы воспринимали⁹² «вчера» и «сегодня». Но что это значит, скажите мне во имя самих Диоскуров? Пусть это обозначает какую-то природу и какую-то вещь, чтобы не мог я сказать нечто пустое и бессмысленное. <147b> Не всё можно отыскать, но всё можно тщательнее исследовать. Ибо не имеет никакого смысла предположение, имевшее место благодаря некоторым богословам, будто бы есть две [сменяющие друг друга] полусферы. Ведь если кто-нибудь назовет их поденными, то это имя будет нелегко понять, поскольку возрастание света в каждый из дней не воспринимается чувствами. Рассмотрим же этот вопрос, относительно которого кто-нибудь, возможно, подумает, что я ввожу нечто новое. <147с> Мы справедливо сказали, что те, для кого время движения Солнца над Землей всегда одно и то же, и тождественно месяцу, имеют неизменяющийся и тождественный день⁹³. Следовательно, рассмотрим, не может ли быть применено выражение «поденные» и к тропику, и к иному⁹⁴ кругу. Но нам могут возразить, сказав, что это не применимо в равной мере к обоим. Ибо они [тропики] всегда видимы, и оба из них видимы сразу тем, кто обитает в тех областях Земли, где тень отбрасывается в противополо-

⁹¹ Юлиан не излагает собственных взглядов, хотя отвергает мнение поздних греческих астрономов. Макробий (*Сатурналии*, 1. 21. 22) отождествляет их с Солнцем.

⁹² ἀκούετε, букв.: слышали. — Прим. пер.

⁹³ Смысл этой фразы и всего пассажа до конца абзаца неясен. — Прим. пер.

⁹⁴ Полярному.

ложную сторону⁹⁵, [а в иных местах] те, кто видит один, не видит другой.

Однако не будем слишком долго задерживаться <147d> на одном и том же предмете; поскольку летнее и зимнее солнцестояния — это его дело, Гелиос есть, как известно, отец Ор⁹⁶, и поскольку он никогда не оставляет полосов, он есть Океан, господин [ἠγεμὼν] двойственной сущности. Я не говорю здесь что-то темное, ведь и живший в прежние времена Гомер тоже говорил:

Океан, от которого все родилось⁹⁷

— и смертные существа, и боги бессмертные, как сам Гомер мог бы сказать, и это истинно. Ибо среди всех вещей нет ни одной, <148a> которая не была бы порождением сущности Океана. Но в каком отношении он к полюсам? Хочешь, чтобы я сказал? Лучше было бы хранить молчание, однако скажу.

В самом деле, некоторые говорят, даже если не все это готовы принять, что солнечный диск движется в беззвездном небе значительно выше неподвижных звезд. Таким образом, его местоположение будет не в центре планет, но посередине между тремя космосами — <148b> согласно гипотезам мистерий [τελεστοκάς], если в данном случае следует говорить о гипотезах, а не о догматах, применяя слово «гипотеза» только к исследованиям о движениях небесных тел. Ибо они⁹⁸ говорят, что были научены богами или могущественными демонами, в то время как астрономы создают правдоподобные предположения, основываясь на согласии явлений. Но если есть кто-то, кто находит лучшим верить в этом жрецам,

⁹⁵ Т. е. в тропической зоне. На экваторе в зимние месяцы тени днем падают строго на север, а в летние — строго на юг; это более или менее верно и для тропиков.

⁹⁶ Т. е. времен года.

⁹⁷ См.: *Илиада*, 14. 246.

⁹⁸ Жрецы.

то я им восхищаюсь и уважаю, как в его забавах, так и в серьезных делах. Довольно об этом⁹⁹.

Теперь, помимо нами упомянутых, в небесах <148c> есть великое множество богов, которые были познаны теми, кто созерцал небеса не тщетно и не как скотина. Ибо поскольку он [Гелиос] раскает три [сферы] четырьмя через Зодиак¹⁰⁰, который общается с каждой из них, то он [Гелиос-Солнце] делит Зодиак на двенадцать божественных сил, и затем снова делит каждую из этих двенадцати на три, так что мы имеем тридцать шесть богов всего. Потому, думаю я, тройственные дары Харит, которые нисходят к нам с небес, <148d> исходят из этих сфер благодаря этому богу, а из-за того, что он делит их четырьмя, посылаются нам четверичная слава Ор, которые являют собой смену времен¹⁰¹. Ведь и здесь, на земле, шар у изваяний Харит изображает именно это¹⁰². И если Дионис — Харитодатель, то он зовется так потому, что соцарствует с Гелиосом. Зачем же я буду говорить тебе о Горе¹⁰³ и других именах богов, которые прилагаются к Гелиосу? Ведь из его деяний человек учится понимать самого этого бога, который созидает умными благами целое небо <149a> и придает ему умопостигаемую красоту; исходя из этого, люди учатся понимать его и в целом, и в частностях, а из обилия дарованных благ — узнавать дающего. Ибо он управляет всеми космическими движениями, вплоть до самых низших, и везде делает все вещи

⁹⁹ Плутарх (*Демосфен*, 4) цитирует эту фразу как характерную для платоников. См.: Платон. *Законы*, 676a.

¹⁰⁰ Букв.: жизненосец (ζφοφόρου) — аристотелевское название Зодиака.

¹⁰¹ Т. е. обстоятельств, мер, не времени вообще, но качественно наполненного времени — καίρων. — Прим. пер.

¹⁰² Игра слов: κύκλος означает сразу и шар, и круг.

¹⁰³ Гор — египетский бог-солнце; его культ был введен сперва в Греции, а позднее и в Риме.

совершенными — и природу, и душу, всё и повсюду. Выстраивая в единый порядок столь великое войско богов, подчиняя его единому руководящему принципу, он передает власть над ним Афине Пронойе¹⁰⁴, <149b> которая, как говорит миф, родилась из головы Зевса, я же говорю, что она изошла из Гелиоса — целая из целого, продолжая находиться в нем; я утверждаю, что она изошла не из высочайшей его части, но целой из целого, и в этом я расхожусь с мифом. Но во всем остальном, поскольку я полагаю, что Зевс ничем не отличается от Гелиоса, я нахожусь в полном согласии с древним преданием. И говоря: «Афина Пронойя», я отнюдь не ввожу новшеств, если, в самом деле, правильно понял:

Он же к Пифону пришел и Голубоглазой Пронойе¹⁰⁵. Таким образом, выясняется, что и древние мыслили Афину Пронойю <149с> делящей один трон с Аполлоном, который, как мы полагаем, ничем не отличен от Гелиоса. В самом деле, разве не по божественному указанию (а мы полагаем, что Гомер был боговдохновенен) открыл он эту истину, часто говоря в своих стихах:

Славимый всеми, как славится Феб и Афина Паллада¹⁰⁶,
— Зевсом, конечно, то есть тем же Гелиосом. И как царь Аполлон приобщается Гелиосу посредством простоты мышления, так же, следует думать, и

¹⁰⁴ Т. е. Провидице. Афина как богиня-промыслительница почиталась в Дельфах, но ее более ранним эпитетом был *προναία*, т. е. «предхрамовая», «находящаяся перед храмом»; см.: Эсхил. *Эвмениды*, 21; Геродот, 8. 37. Поздние писатели часто путают эти эпитеты. Юлиан применяет слово *πρόνοια* к Матери Богов (179а) и к Прометею (182d).

¹⁰⁵ Этот стих из неизвестного источника приводится Евстафием в *Комментарии на Илиаду*, 1. «Светлоокая» и «голубоглазая» (*γλαυκῶπις*) — эпитеты Афины.

¹⁰⁶ См.: *Илиада*, 13. 827.

Афина¹⁰⁷ приняла свою сущность от Гелиоса, <149d> будучи его совершенной мыслью¹⁰⁸: она связывает тех богов, которые вокруг Гелиоса и несlessly полагают их в единстве с ним — Царем Всего, она изливает чистую и незапятнанную жизнь, распределяет ее от высочайшего свода небес через семь сфер и вплоть до Луны¹⁰⁹. Поскольку Луна <150а> есть последнее из сферических тел, которые Афина наполняет мышлением, то благодаря ей она созерцает умопостижимое, которое выше, чем небеса, и благодаря ей космизирует материю, которая лежит ниже нее, и потому она уничтожает присущие материи дикость, смятенность и беспорядочность. Людям же Афина подает блага мудрости, ума и демиургических искусств. И, конечно, она поселяется на акрополях городов, поскольку ее мудрость есть основа политического общения. Я скажу еще немного <150b> об Афродите, которая, как единодушно утверждают богомудрые финикийцы, помогает Гелиосу в демиургии, во что я и сам верю. В самом деле, она есть слияние [*σύνκρασις*] небесных богов; в их гармонии она — любовь и единство¹¹⁰. Ибо она¹¹¹ родственна [*ἐγγύς*] Солнцу, и когда она движется в одном с ним направлении и приближается к нему, она наполняет небеса благорастворением и дает земле силу рождать, поскольку промышляет о вечном рождении живых существ. И все же Солнце есть первичная причина непрерывного рождения, Аф-

¹⁰⁷ Об Афине см.: Юлиан. *К Ираклию кинику*, 230а; *Против христиан*, 235с.

¹⁰⁸ Или мышлением, *νόησιν*. — Прим. пер.

¹⁰⁹ Юлиан заимствует свою теорию о положении и функциях Луны у Ямвлиха; см.: Прокл. *Комм. на Тимей*, 258f.

¹¹⁰ См. ниже, 154а, а также: Прокл. *Комм. на Тимей*, 155f, 259b, где Афродита именуется «соединяющей» (*συνδετικήν*) и «гармонизирующей» (*συναρμοστικήν*).

¹¹¹ Т. е. планета Венера.

родита же — его сопричина¹¹², она чарует наши души <150c> своей радостью, посылает из эфира вниз к земле сладчайшие и чистейшие лучи света — лучи света, блистающие чище, чем золото. Хочу еще отмерить тебе финикийской теологии, а то, что это не зря, покажет дальнейшая часть этой речи. Жители Эмессы¹¹³ — места, издревле посвященного Гелиосу, — общаются с Гелиосом в своих храмах Монима и Азиза; <150d> Ямвлих, из сочинений которого я взял и это, и многое другое, как из многого малое, говорит, что Моним — это Гермес, а Азиз — Арес, что они суть спутники Гелиоса, изливающие множество благ в область земли.

Таковы дела этого бога в небесах; свершаясь, они достигают отдаленнейших пределов земли. Исчислять же все то, что делается им ниже Луны, чересчур долго, однако, я должен сказать о них в главных чертах. Я знаю, что упоминал об этом и прежде, <151a> когда утверждал, что, отталкиваясь от вещей видимых, мы можем видеть невидимые

¹¹² Концепция, согласно которой Афродита заключает в себе сочувствующую гармонизирующую причину, помогающую причине первичной, заключенной в Гелиосе, скорее всего, восходит к Ямвлиху. См. *Комм. на Тимей*, фр. 71 (Светлов) [*Прокл. Комм. на Тимей*, 3, 65, 7]: «...Над Солнцем — Афродита и Гермес, являющиеся солнечными и помогающими ему в демиургии и служащие завершению целого... Силы Афродиты и Гермеса сияют соразмерно себе и умеренно, всегда обращаясь вместе с Солнцем, предоставляя собой гармонию солнечной [деятельности] творения. Ведь обе планеты являются причинами объединения — как Гермес, который соединяет себя с творением дня и ночи и становится и мужским, и женским, так и Афродита, которая имеет силу связывания и соразмеривания того, что разделено». — Прим. ред.

¹¹³ См.: Юлиан. *Цезари*, 313а, *Мисопогон*, 357с. Эмесса в Сирии была знаменита своим храмом Ваалу, богу-солнцу. Император Гелиогабал (218–222 гг.) родился в Эмессе и был, о чем свидетельствует его имя, жрецом Ваала, культ которого пытался ввести в Риме.

свойства сущности бога [Солнца]; повествование, однако, требует, чтобы я прояснил все по порядку.

Тогда я говорил, что Гелиос обладает властью среди умных богов: он единит вокруг собственной неделимой сущности великое множество богов; я говорил еще, что среди богов, которых мы можем воспринять, тех, что вечно шествуют по кругу <151b> наиболее блаженным путем, он — водитель и господин, поскольку он дает их природам породительную силу и наполняет целое небо не только лучами видимого света, но и другими бесчисленными и невидимыми благами; значит, и блага, получаемые от других видимых богов, были именно им [Солнцем] сделаны совершенными, и даже прежде сами эти видимые боги были сделаны совершенными его неизреченной и божественной энергией. Таким же образом следует полагать, что и с этим местом становления соединены некие боги, которые принадлежат к царству Гелиоса, <151c> и эти боги управляют четверичной природой стихий и являются обитателями [подлунного мира] вместе с душами трех лучших родов, утвержденных в бытии благодаря этим стихиям. Но и для частных душ скольких благ он причина! Он распространил на них способность суждения, направляет их справедливостью и очищает своим светом. И опять, разве он не сделал целое природы движущимся и пламенеющим жизнью благодаря даянию породительной силы свыше? Разве он не есть, воистину, целевая причина <151d> и для частных природ¹¹⁴? Ибо Аристотель сказал¹¹⁵, что человек рождается от человека и Солнца. То же самое, разумеется, будет правильно и относительно всех иных дел частных душ. И, опять же, разве не он произвел для нас дождь и ветер, и тучи небесные,

¹¹⁴ Имеется в виду посмертное восхождение к богам.

¹¹⁵ Аристотель. *Физика*, 2, 2, 194б.

пользуясь в качестве материи двумя видами пара? <152a> Ибо когда он нагревает землю, она испускает пар и курится, и из этих [испарений] возникают не только облака, но и все атмосферные явления¹¹⁶ — и великие, и малые.

Но почему я говорю об этом столь подробно, в то время когда наконец стало возможным достигнуть цели, несмотря даже на то, что еще не воспеты блага, данные Солнцем людям? Ибо от него мы рождены и благодаря ему вскормлены! <152b> Но есть и более божественные его дары, ими он наделяет души, когда освобождает их от тела и затем поднимает их к родственным Богу сущностям. Тонки и напряжены его божественные лучи, представляющие как бы колесницу для безопасного нисхождения душ в рождение — пусть это достойно восславят другие, для меня же лучше верить, нежели доказывать. Я думаю, не должно стесняться рассказывать то, что естественно известно всем. Небо, сказал Платон, есть для нас учитель мудрости¹¹⁷. Ибо из созерцания его мы научились узнавать природу числа <152c>, чьи грани [τὸ διαφερὸν] познаются не иным каким способом, но через кругообращения Солнца. Действительно, сам Платон говорит, что день и ночь существуют первично¹¹⁸. А затем, из наблюдений за светом Луны, данным этой богине Солнцем, мы идем еще дальше в познании этих предметов, повсюду предполагая созвучие [всех вещей] этому богу. Ибо и сам Платон сказал¹¹⁹, что наш род обречен природой на тяжелый труд, однако боги милуют нас, давая нам Диониса <152d> и Муз как спутников. Мы показали, что Гелиос есть

¹¹⁶ ἐπὶ γῆς πάθη — букв.: состояние того, что при земле. — Прим. пер.

¹¹⁷ См.: *Государство*, 529–530; *Послезаконие*, 977а.

¹¹⁸ Т. е. как некая мера; см.: *Тимей*, 39b, 47а.

¹¹⁹ См.: *Законы*, 653c–d, 665а.

их общий господин, он воспевается как отец Диониса и предводитель Муз. Но разве не соцарствует с ним Аполлон, учредивший по всей земле оракулы, давший людям боговдохновенную истину, космизировавший их города силой религиозных и политических установлений? Он облагородил¹²⁰ большую часть ойкумены греческими колониями и тем самым подготовил более легкое послушание ее римлянам. Ибо римляне не только относятся к роду эллинов, <153a> но и религиозные установления, и благая вера в богов, которую они утвердили и охраняют от начала и до конца — эллинские. Да и политическое устройство у них ничуть не хуже, нежели у лучших из эллинских полисов, если только не наилучшее из всех, какие когда-либо осуществлялись на практике. Поэтому, думаю, наш город эллинский и по роду, и по политическому устройению.

Я скажу и о том, как Гелиос, промышляя о здорье и спасении <153b> всех, рождает Асклепия¹²¹ — спасителя [мирового] целого, как он одаряет нас, посылая к нам вниз Афродиту вместе с Афиной; но разве он таким образом не полагает в заботе о нас закон, гласящий, что не должно соединяться ни с кем, кроме тех, что рождают подобное [ἢ πρὸς τὴν γέννησιν τοῦ ὁμοίου]? Потому в согласии с круговращением Солнца все растения, все классы живых существ движутся к порождению подобных. <153c> Что еще нужно, чтобы возвеличить его сияние и свет? Каждый ведь знает, сколь ужасна ночь, лишённая Луны и звезд, неужели же он не может понять из этого, каким благом является для нас свет

¹²⁰ Иначе: возделал, цивилизовал. — Прим. пер.

¹²¹ См. выше, 144с; *Против христиан*, 200, 235b–с. Асклепий играл важную роль в религии Юлиана и мог быть умышленно противопоставлен, как сын Гелиоса-Митры и «спаситель мира», Иисусу Христу.

Солнца? Так вот, этот свет дает нам ночами он [Гелиос-Солнце]: непрерывен и непосредствен этот свет в тех горних местах, что выше Луны, где это и нужно, нам же он дарует посредством ночи отдохновение от трудов. Однако нашей речи не было бы предела, если бы мы попытались описать все подобные дары. <153d> Ибо нет ни одного блага в нашей жизни, которое мы не взяли бы как дар этого бога или нечто, хоть и данное через других богов, но усовершенное им.

Да, он — основатель нашего города¹²². А не только Зевс, прославляемый как отец всех вещей, обитающий в своем акрополе¹²³ вместе с Афиной и Афродитой, но и Аполлон, живущий на Палатинском холме, и сам Гелиос, которого обычно именуют этим именем и который под этим именем всем известен. Много я мог бы сказать <154a> в доказательство того, что мы — сыны Ромула и Энея — во всех отношениях и всем, чем возможно, связаны с ним, но упомяну кратко лишь известнейшее. Говорят, что Эней родился от Афродиты — родственницы и помощницы Зевса. И предание гласит также, что основатель нашего города был сыном Ареса; этот чудесный рассказ вызывает доверие в силу явленного позднее, как доказательство его правоты, знамения. Ибо говорят, что он¹²⁴ был вскормлен волчицей. Я же знаю, что Арес, именуемый сирийцами Азиз и обитающий в Эмессе, предшествует Гелиосу <154b> в священных процессиях — я говорил об этом раньше, так что теперь опушу. Но по-

¹²² Т. е. Рима.

¹²³ Юлиан имеет в виду знаменитый храм Юпитера Капитолийского; см.: *Похвальное слово в честь Констанция*, 29d. Три святыни в этом храме были посвящены Юпитеру, Минерве и Юноне, однако Юнону Юлиан игнорирует, так как хочет видеть рядом с Афиной Афродиту.

¹²⁴ Ромул.

чему волк — животное по преимуществу Ареса, а не Гелиоса? Ведь и годичный путь Солнца называют «локабас» — от волка [□□□□□]¹²⁵. И не только Гомер¹²⁶ и известные мужи Элады, но и сам бог, сказавший: «Завершает, танцуя, двенадцатимесячный путь — ликабант».

Желаешь ли еще большего доказательства тому, <154c> что основатель нашего города был послан вниз, на землю не только Аресом, хотя, возможно, некий благородный демон, обладающий характером Ареса, и принял участие в устройении его [Ромула] смертного тела, ибо говорится, что он явился Сильвии¹²⁷, которая несла омовение богине¹²⁸, однако вся истина состоит в том, что душа бога Квирина¹²⁹ сошла на землю с Солнца, ибо, я полагаю, должно верить преданию. Близкое сходжение [σύνδοξ ἀκριβής] <154d> Гелиоса и Селены, чье царство распростерлось над видимым миром, сделало возможным нисхождение его души на землю и вознесение его от земли после уничтожения смертной части его тела [τὸ θνητὸν σῶματος] огнем молнии¹³⁰. Итак, ясно, что Селена — демиург околосемного [περιγύειον], чье место далее всего вниз от Солнца, — восприняла Квирина, когда он посылался вниз на Землю Афиной — Госпожой Провидения; и когда тот опять воспарил от земли, она повела его прямым путем к Солнцу — Царю Всего.

¹²⁵ Юлиан принимает несуществующую этимологию «пути волка»; «локабас» значит «путь света».

¹²⁶ См.: *Одиссей*, 14. 161. Это слово чеканилось также на римских монетах и значило «год».

¹²⁷ Сильвия, дева-весталка, произвела на свет двойню, Ромула и Рема, чьим отцом предположительно был Марс (Арес).

¹²⁸ Веста, у греков Гестия, — богиня домашнего очага.

¹²⁹ Имя, данное Ромулу после его обожествления; см.: Юлиан. *Цезари*, 307b.

¹³⁰ Легенду о его перемещении см.: Тит Ливий, 1. 16; Плутарх. *Ромул*, 21; Овидий. *Фасты*, 2. 496; Гораций. *Оды*, 3. 3. 15 и сл.

Желаешь, чтобы я привел тебе и иное доказательство этого <155a> деяния царя Нумы¹³¹? В Риме жрицы девы хранили неугасимый огонь Солнца в различное время в различных домах; они сохраняли огонь, который возник на земле, однако благодаря богу¹³². Могу привести и еще большее доказательство мощи этого бога, который сам есть дело наиболее священнейшего Царя. Все месяцы [года] всеми людьми считаются происходящими от Луны [месяца]; только мы и египтяне <155b> исчисляем дни всякого года согласно движению Солнца. И если после этого я могу сказать, что мы почитаем Митру и справляем каждые четыре года игры в честь Солнца, то буду говорить о вещах сравнительно новых¹³³. Лучше приводить доказательства из времен более древних. Начало годовому кругу полагается разными людьми разное: одни отсчитывают год от весеннего равноденствия, другие — от вершины лета, а многие — с ранней осени¹³⁴, но все они воспевают в гимнах величайшие видимые дары Солнца. <155c> Одни [народы] приурочивают [годовые праздники] к полевым работам, когда земля процветает и горделиво ликует, когда растения [украшены] еще молодыми плодами, а море становится годным для плаванья, и неприятная, угрюмая зима становится светлее и радостней; другие, опять же, возвеличива-

¹³¹ Нума Помпилий — легендарный царь, правивший Римом сразу после Ромула. Римляне считали его основателем многих своих религиозных церемоний.

¹³² Имеется в виду, видимо, огонь молнии. — Прим. пер.

¹³³ Гелиалии, *solis agoniae*, были учреждены императором Аврелианом в Риме в 274 г.; но «непобедимому Солнцу», *sol invictus*, римляне стали поклоняться спустя почти век после Аврелианова установления. Юлиан еще раз в другом месте (*Цезари*, 336с) называет Гелиосу его персидским именем Митра.

¹³⁴ ὀμβρῶν — ранняя осень, время с появления Сириуса до появления Арктура, т. е. приблизительно с конца июля до начала сентября. — Прим. пер.

ют лето¹³⁵, когда наличием урожая убеждаются в безопасности, когда зерно уже убрано в пору сбора винограда на вершине лета, <155d> и деревья со зреющими плодами. Другие еще более утонченны — полагают завершением года время, когда достигают совершенства плоды и [повсюду царит] умиранье. Поэтому ввели они празднование Нового года поздней осенью. Но наши праотцы, еще со времен божественнейшего царя Нумы, с еще большей [нежели другие народы] почтительностью относились к богу Солнцу. Они оставляли житейские нужды, поскольку, я думаю, были по природе божественны и обладали выдающейся рассудительностью; они видели, что он есть причина всего полезного, <156a> и потому учредили почитание Нового года в соответствующий момент, то есть в момент, когда Царь Солнце поворачивается к нам опять, когда оставляет крайний Юг, огибают Козерог, словно бы [колесница] мету, и идет с юга на север, уделяя нам часть в благах [нового] года. А то, что наши праотцы, поскольку знали это [движение Солнца] точно, постольку и утверждали новолетие [в это именно время], можно понять из следующего. Ибо, думаю, не тот момент, когда бог поворачивает¹³⁶, но когда становится всем видно, <156b> что он направился с юга на север, учредили они временем праздника. Ибо еще не была им известна тонкость открытых халдеями и египтянами законов, которые довели до совершенства Гиппарх¹³⁷ и Птолемей¹³⁸, но они судили, руководствуясь чувствами, и следовали тому, что видели.

¹³⁵ Аттический год начинался с летнего солнцестояния.

¹³⁶ Т. е. не время зимнего солнцестояния. — Прим. пер.

¹³⁷ Греческий астроном, живший в середине II в. до н. э.; его труды не сохранились.

¹³⁸ Клавдий Птолемей — астроном, живший в Александрии в 127–151 гг.

Каким образом обстоит дело [с движением Солнца], в точности было осознано, как я сказал, позднейшими поколениями. Прежде начала года, в конце месяца Крона¹³⁹, мы устраиваем в честь Гелиоса великолепнейшие игры, <156с> посвященные Непобедимому Солнцу. После этого незаконно устраивать какие-либо зрелища, относящиеся к месяцу предыдущему, как содержащие в себе нечто мрачное, хотя и по необходимости. Но в [годовом] круге [праздников] прямо вслед за праздником Крона¹⁴⁰ следуют Гелиалии, которые, о дайте мне, если это возможно, царствующие боги, восхвалить и справить! И прежде иных богов сам Царь Всего да позволит мне [совершить этот праздник], ибо он извечно изошел от порождающей сущности Блага: ибо он есть средоточие умных срединных богов, <156d> он наполняет их бесконечной красотой, преизбытком породительной мощи вечно [ἄχρόνως] и разом! И теперь он просвещает свое видимое жилище, которое извечно движется, которое есть середина всего неба; он дает видимой Вселенной участвовать в умопостигаемой красоте, наполняет все небо тем же количеством богов, какое умно имеет в себе. <157a> Не разделяясь, они являют себя во множестве эйдосов, окружающих его, будучи соединены с ним единством эйдоса. Вечное становление, однако, и подаяние благ небесными телами он удерживает ниже Луны. Он заботится о человеческом роде вообще, но особенно о нашем городе¹⁴¹, он от века привел в ипостасное бытие мою душу и сделал ее

¹³⁹ Т. е. декабря.

¹⁴⁰ Празднества в честь Сатурна, Сатурналии, праздновались латинянами в конце декабря, что соответствует нынешним Рождественским каникулам. Сатурн отождествлялся с греческим богом Кроносом, и Юлиан, в соответствии с софистической этикой, употребляет греческое слово для обозначения этого праздника.

¹⁴¹ Т. е. о Риме.

своей спутницей. И, следовательно, все то, о чем я только что молил его, он может дать; более того, и моему Городу дай по своей милостивой любви вечность и защити его! Что же до меня, то сделай так, чтобы я жил столько, сколько мне отпущено жить, <157b> чтобы был успешен в делах и человеческих, и божественных; дай мне жить и служить городу своей жизнью столько, сколько это угодно тебе, хорошо для меня и полезно для римского дела¹⁴²!

Это вот сочинение, дорогой Саллустий, я содал самое большее за три ночи в согласии с тройственностью божественной демиургии¹⁴³ — насколько это было в моих силах <157с> и насколько не подвела память; я дерзнул посвятить тебе эту речь, поскольку ты счел мою раннюю речь на Кронии¹⁴⁴ не всецело лишенной достоинств. Если же ты желаешь чего-то более мистического и совершенного, читай об этом сочинения вдохновенного Ямвлиха¹⁴⁵, ты найдешь в них совершенную мудрость, которую только в силах открыть человек. <157d> Но возможно, великий Гелиос подаст и мне не меньшее о нем знание, и да научу всех, а особенно достойных. Пока же дает бог, почтим любимого богами Ямвлиха, источника мысли, из которого черпал я, из многого — малое и как придется. Я твердо уверен, что не будет никого совершенней его, даже если некто положит много труда или скажет много нового — такой человек, как это обычно и бывает, выйдет за пределы истинного знания богов. <158a> Если бы

¹⁴² κοινός Ρωμαίων πράγματιν — аналог латинского res publica, своего рода эпоним Римской империи. — Прим. пер.

¹⁴³ О тройственности божественной демиургии см.: Прокл. *Комм. на Тимей*, 94с-d. Здесь Юлиан подразумевает три способа демиургии, осуществляемые Гелиосом то в одном, то в другом из трех миров.

¹⁴⁴ Эта речь не сохранилась.

¹⁴⁵ Имеется в виду его трактат *О богах*, который не сохранился.

эта речь писалась мною как поучение, то такое предприятие после Ямвлиха, вполне вероятно, оказалось бы суетой. Но я желал произнести благодарственный гимн богу, полагая сказать здесь о его сущности по мере моих сил. Ибо сказано:

Жертвы бессмертным богам приноси, сообразно достатку¹⁴⁶.

Я отношу эти слова не только к жертвоприношениям, но также и к молитвам, <158b> которые мы возносим к богам. Потому, в третий раз, я молю Солнце, Царя Всего, быть милостивым ко мне за мое рвение, дать мне благу жизнь¹⁴⁷, более совершенное разумение, божественное мышление и, когда придет срок, кротчайшего [πραοτάτην] освобождения от жизни, наступившего во благовремение; <158c> дай мне взойти к тебе после этого и пребывать с тобой, лучше всего, вечно; если же это более, чем моя жизнь заслуживает, то пусть я пребуду с тобой множество многолетних периодов!

¹⁴⁶ См.: Гесиод. *Труды и дни*, 336.

¹⁴⁷ βίον, собственно, образ жизни. — Прим. пер.